

Угренинова Елена Александровна

**ПРЕЗУМПТИВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА**

Статья посвящена историко-правовому исследованию категории "правовые презумпции" в контексте советской правовой системы. Анализируется специфика законодательного закрепления и толкования презумптивных положений в указанный период. Автором оценивается значение рецепции римского права и зарубежного законодательства в формировании системы презумптивных положений советского права.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/46.html](http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/46.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 192-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

УДК 34.096

*Статья посвящена историко-правовому исследованию категории «правовые презумпции» в контексте советской правовой системы. Анализируется специфика законодательного закрепления и толкования презумптивных положений в указанный период. Автором оценивается значение рецепции римского права и зарубежного законодательства в формировании системы презумптивных положений советского права.*

*Ключевые слова и фразы:* советское социалистическое право; принцип «революционной целесообразности»; презумпция виновной ответственности; презумпция права собственности фактического владельца вещи; теория «отмирания права»; социалистическое толкование; презумпция равенства; презумпция невиновности.

**Елена Александровна Угренинова**

*Кафедра теории и истории государства и права*

*Таганрогский институт управления и экономики*

*ugreninova@aaanet.ru*

### ПРЕЗУМПТИВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА<sup>©</sup>

С Октябрьской революцией 1917 традиционно принято связывать момент зарождения основанного на идеях марксизма-ленинизма нового советского социалистического права. Специфика становления советской правовой системы нашла отражение в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г.: «Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых парах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право» [5]. И в основу этого молодого «агрессивного» права был положен принцип «революционной целесообразности».

Несмотря на то, что данный принцип не был закреплен на законодательном уровне, тем не менее, именно он во многом определил роль презумптивных положений в системе советского права: официальное признание получают презумпции, соответствующие государственной идеологии и «революционному правосознанию».

В итоге, существовавшая в дореволюционном законодательстве «презумпция виновной ответственности» была отторгнута советским правом и заменена на более приемлемые принципы революционной законности, целесообразности и классового подхода при привлечении лица к юридической ответственности.

В. М. Савицкий писал: «Зачем вообще доказывать виновность врага народа, если он враг? А то, что враг, - это, несомненно, раз его арестовали. Зачем доказывать виновность членов семьи врага народа, если на основании ст. 58<sup>1б</sup> действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР их надлежало сослать в отдаленные районы Сибири только за то, что они члены его семьи» [7, с. 5].

Итогом общей примитивизацией права в советскую эпоху стало то, что оно утратило также отражавшую специфику национального развития российской правовой системы презумпцию права собственности фактического владельца вещи.

Составляющий фундамент римского права институт частной собственности противоречил социальному назначению советского права - «выражать классовые интересы и быть средством построения бесклассового коммунистического общества» [10, с. 217], в связи с чем оно нашло ему замену - священную и неприкосновенную общественную (государственную) собственность. Ликвидация института частной собственности и, как следствие презумпции права собственности фактического владельца вещи, оправдывалась концепцией священности государственной собственности.

В целом же, тенденция устранения из механизма правового регулирования презумптивных положений, получивших свое развитие в дореволюционном законодательстве, была неизбежным результатом практической реализации советской теории «отмирания» права.

Сущность этой теории сводилась к тому, что, «исходя из учения товарища И. В. Сталина о коммунистическом обществе в капиталистическом окружении, право сохраняется и после полной победы коммунизма лишь при условии сохранения капиталистического окружения. После уничтожения капиталистического окружения в обществе, где полностью построен коммунизм, право начинает отмирать. Оно сохраняется, постольку остается еще функция защиты коммунистического общества от капиталистического окружения» [2, с. 132]. В контексте такой идеологии естественно и презумпции становились «покорными слугами» «нового неизвестного истории человечества, социалистического общества и права» [1, с. 34].

Между тем, создание «пролетарского» права, не имеющего ничего общего с буржуазным, оказалось на деле утопией. Свидетельством тому может служить тот факт, что первый гражданский кодекс Советского государства 1922 г., по мнению П. И. Стучка, «пришлось почти целиком и дословно списать с лучших образцов гражданского права Запада» [9, с. 125].

Следует отметить, что отличительной чертой советской правовой системы было наполнение заимствованных из римского и буржуазного права конструкций совершенно иным «извращенным» содержанием.

Так, древнейшая презумпция римского права *«ignorantia legis neminem excusat»*<sup>1</sup> получила благодаря советским правоведом оригинальное толкование, а именно официально провозглашалось, что «из фикции, по сути дела, в буржуазном праве, в социалистическом праве она превратилась в предположение с максимальной высокой степенью вероятности, что объясняется широким привлечением трудящихся к правотворческой и правоприменительной деятельности, высоким уровнем правосознания и правовой культуры советских граждан» [3, с. 6].

Презумпция добропорядочности также в свете советской идеологии получает классовое наполнение, а именно добропорядочным, по советскому праву, может считаться субъект права, соблюдающий закон и «не совершающий действий, могущих нанести вред советскому обществу в целом или отдельным его членам или совершающий определенные действия, когда нормы права этого требуют» [Там же, с. 23]. При этом неподчинение закону приравнивалось к нарушению партийной и государственной дисциплины.

Социалистическому толкованию подверглась и презумпция равенства.

Так И. В. Сталин указывал: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т.е.: а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы; б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества; в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество)» [8, с. 355].

Неудивительно, что, несмотря на признание презумпции равенства, в советском законодательстве закреплялось преимущество рабочего класса перед крестьянством, в частности, Конституция РСФСР 1918 г. норму представительства на Всероссийский съезд Советов устанавливает из расчета один депутат на 25000 городских жителей и один депутат на 125000 сельских жителей [10, с. 217].

Советское государство искореняло в советском праве идеи свободы и справедливости. Этим объясняется появление антигуманных презумптивных положений, к числу которых можно отнести выработанную А. Я. Вышинским формулу о том, что «признание - царица доказательств». Такая презумпция «послужила идеологическим обоснованием полученных любыми способами доказательств, связанных с признанием вины. Это, в конечном счете, способствовало массовым нарушениям советскими юристами прав человека [6, с. 28].

Что касается презумпции невиновности, то позиция руководителей партии сводилась к следующему: «Допущение невиновности - это вредная затея, она мешает эффективной борьбе с преступностью, сковывает действия наших славных чекистов и других верных защитников социалистического строя. Никакие презумпции нам не нужны, это все буржуазные выверты» [7, с. 5].

Действительно, о какой презумпции невиновности могла идти речь, когда «суровые условия классовой борьбы требовали, чтобы советские карательные органы не проявляли к своим врагам излишней мягкости» [4, с. 63].

Между тем, впоследствии презумпция невиновности была введена в систему советского права, а именно закреплена статьей 160 Конституции СССР 1977 г., при этом она носила исключительно декларативное значение: «По содержанию и духу советского закона не обвиняемый должен доказать свою невиновность, а орган обвинения должен доказать правильность предъявленного обвинения» [1].

Резюмируя вышеизложенное, следует акцентировать внимание на том, что судьба категории «правовая презумпция» в системе советского права была идеологически predetermined: было официально провозглашено, что «в советском праве нет и не может быть презумпций, которые бы не были установлены в интересах трудящихся масс и их социалистического государства» [Там же].

#### Список литературы

1. **Агарков М. М.** Основные принципы советского гражданского права // Советское государство и право. 1947. № 11.
2. **Аржанов М. А.** Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Советское государство и право. 1939. № 2.
3. **Бабаев В. К.** Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 24 с.
4. **Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С.** История советского уголовного права. М., 1947. 466 с.
5. **Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.»** // СУ РСФСР. 1919. № 66.
6. **Пучков О. А.** Теоретико-правовые основания юридической антропологии: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 28 с.
7. **Савицкий В. М.** Презумпция невиновности. М.: Норма, 1997. 126 с.
8. **Сталин И. В.** Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 13. 424 с.
9. **Стучка П. И.** 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. (1917-1930). М.: Госюриздат, 1931. 336 с.
10. **Теория государства и права** / под. ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.
11. **Юридический словарь.** М.: Гос. издат. юрид. литер., 1953. 784 с.

<sup>1</sup> Незнание закона никого не извиняет.

## PRESUMPTUOUS REGULATIONS IN THE CONTEXT OF SOVIET LAW SYSTEM

Elena Aleksandrovna Ugreninova

Department of Theory and History of State and Law  
Taganrog Institute of Management and Economics  
ygreninova@aanet.ru

The article is devoted to the historical-legal research of the category “legal presumptions” in the context of soviet legal system. The specificity of legislative assignment and the interpretation of presumptuous regulations during the mentioned period are analyzed. The author estimates the role of Roman law reception and foreign law in the formation of the system of presumptuous regulations of soviet law.

*Key words and phrases:* soviet socialist law; principle of “revolutionary reasonability”; presumption of guilty responsibility; presumption of real owner of thing’s property right; theory of “law dying-out”; socialist interpretation; presumption of equality; presumption of innocence.

УДК 930.26

*В статье рассматриваются ключевые проблемы изучения мезолита как эпохи каменного века в археологии европейской России, причины существования этих проблем, а также возможные варианты их решения. Отмечается, что методологические противоречия, которыми наделена эпоха мезолита, созданы искусственно и присущи характеристикам других эпох. Выход из кризисной ситуации, которая назрела в периодизации каменного века, лежит в комплексном исследовании изделий из камня.*

*Ключевые слова и фразы:* финальный палеолит; мезолит; неолит; периодизация; критерии.

**Иван Владимирович Федюнин**, к.и.н., доцент  
Кафедра истории России  
Воронежский государственный педагогический университет  
feduniv@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «МЕЗОЛИТ» В АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ:  
ПРОБЛЕМА И ТЕНДЕНЦИИ НАУЧНОГО ПОИСКА<sup>©</sup>**

Важнейшие вопросы исследования каменного века так или иначе упираются в решение проблем хронологии, периодизации, культурной принадлежности и реконструкции экономики древних обществ. Игнорирование одной из этих проблем в плане реализации комплексного подхода в исследовании нежелательно, однако на практике такая ситуация из-за ущербного состояния источников встречается достаточно часто. Ее закономерным результатом становится как фрагментарная или искаженная картина развития человеческого общества на протяжении отдельного исторического периода, так и появление противоречий в основных дефинициях века.

Подробные сведения об истории понятия «мезолит» приведены в отечественных исследованиях Г. Н. Матюшина [6], Л. В. Кольцова [8], С. В. Ошибкиной [9] и специальных работах [7], так что останавливаться на этом вопросе в данной статье нет смысла.

В советскую археологическую литературу термин «мезолит» был введен в современном значении М. Рудинским [12, с. 11-29]. Позже В. И. Равдоникасом в двухтомнике «История первобытного общества» употреблялся термин «мезолит» для обозначения древностей азилия и тарденуаза в системе периодизации каменного века [10, с. 249]. Впрочем, более широкое распространение понятия относится уже к 1950-м годам: после посмертной статьи М. В. Воеводского [4].

В истории археологической науки хорошо известна дискуссия о правомерности выделения мезолита [3; 11; 13; 14], в ходе которой наиболее острые проблемы критериев эпохи, сформулированные и упорядоченные А. А. Формозовым, были подвергнуты критике со стороны А. Н. Рогачева с позиций конкретно-исторического подхода.

Прошли годы, и, несмотря на то, что большинство историографических обзоров исследований по мезолиту упоминают об имевшей место дискуссии, за этим обычно следует констатация того, что мезолит в настоящее время все-таки принят для обозначения самостоятельной эпохи - подразделения каменного века. Однако доказательная база этой «констатации» не претерпела значительных изменений. Нужно признать, что ни одно из «обвинительных» положений дискуссии 1960-1970-х гг. до сих пор не опровергнуто, и вряд ли может быть опровергнуто вообще.